

Источник проблемы, именуемой разобщенностью, не в иммиграции (хотя и она вносит сюда свой вклад). Проблема, которую англосаксонские коллеги именуют распадом «социальной связности» (social bond, social cohesion), сопровождает все *индустриальные общества*. Вспомним, когда Фердинанд Теннис зафиксировал переход от «Gemeinschaft» к «Gesellschaft». В последнюю треть позапрошлого века.

Говоря о компромиссе между группами, придерживающимися несовместимых ценностей, я позволю себе три комментария.

Во-первых, я совсем не уверен, что нужно вести речь именно о группах, т. е. о неких целостностях, объединенных вокруг культуры или религии. Когда мы так поступаем, мы принимаем *статистические единицы* за единицы *социального действия*. Например, если человек приехал из исламской страны, то он попадает под категорию «мусульманин». Но мы не задаемся вопросом: а как эта отнесенность к группе сказывается на его поведении, на поведении его детей? Часто вообще никак не сказывается. Две трети выходцев из стран Марокко во Франции и примерно столько же выходцев из Турции в Германии вообще НЕВЕРУЮЩИЕ. В то же время они не возражают против причисления себя к группе «мусульмане». Ислам для них – культурно-идентификационный маркер, знак идентификации. **Перед нами, таким образом, не группа в социологическом смысле. Это, скорее, категория статистики и, возможно, категория самоидентификации.** Но не категория, указывающая на наличие сплоченного коллектива с одной культурной лояльностью и одной идеологической ориентацией.

Во-вторых, если уж говорить о ценностях: с чего мы, собственно, взяли, что здесь имеет место несовместимость? Почему мы решили, что различия в этнической принадлежности обязательно сопряжены с различиями в культуре (в «ценностях»)? **По-моему, надо прекратить принимать медийные эффекты за отражение реальности.** Надо отдать себе отчет в том, что современный капитализм успешно стирает любые различия. И единственная культура, которую он, по-существу, допускает, есть культура консюмеризма. Наше телевидение очень постаралось, чтобы представить беспорядки в парижских пригородах осенью 2005 года как результат культурной несовместимости подростков магрибинского происхождения и «коренных французов». Только это обман. И у тех и у других – одни и те же ценности. Это ценности общества потребления. Хулиганы из пригородов демонстрировали отнюдь не свою культурную особость. Напротив, они демонстрировали свое желание быть такими, как все. И свой гнев по поводу того, что они такой возможности лишены.

И наконец, третье. На мой взгляд, упорная фиксация на культурном измерении проблемы иммиграции – это способ ухода (иногда невольный, иногда вполне сознательный) от решения социально-структурных проблем, связанных с иммиграцией, но ей не порождаемых. Предметом анализа должны быть в первую очередь такие вещи, как разделение труда (в том числе этническое), дискриминация, социальное исключение, маргинализация и т.д. ■

Беседовал Александр Павлов

С ПЛЮРАЛИЗМОМ ЕВРОПА НЕ В ЛАДАХ

ЙОРАН ТЕРБОРН – один из ведущих левых интеллектуалов, профессор социологии Кембриджского университета, постоянный автор издания «New Left Review». Автор книг: «Что делает правящий класс тогда, когда он правит?» (2008), «От марксизма к постмарксизму» (2008)

Европейская и международная англосаксонская традиция демократии исторически не в ладах с культурным плюрализмом и этническим многообразием. Например, в древней афинской демократии постоянно проживало большое число чужаков, например женщин и рабов, не обладавших гражданскими правами. До установления демократии в Европе существовала уникальная политика культурного тоталитаризма. Вестфальский договор, который в 1648 положил конец Тридцатилетней войне в Европе, оговаривал внутригосударственный компромисс, по которому за правителем сохранялось право выбирать религию своего народа. Поэтому не удивительно, что в Западной Европе больше проблем с культурным плюрализмом и этническим многообразием, чем в любой другой части мира.

В мире существуют благополучные демократии, основанные на принципах культурного плюрализма. Индия служит самым впечатляющим примером этого: дюжина основных языков, несколько алфавитов, две «большие» и множество «меньших» религий, древнее этнокультурное разделение

между Севером и Югом, не говоря уже о бесчисленных кастовых условиях и местных обычаях. Там бывали напряженные ситуации, конфликты и насилие, но независимая Индия, которая никогда прежде не была единой страной, за более чем шестьдесят лет не знала ни сепаратистских движений, ни подтасовок результатов выборов, а только мирный переход власти.

Так что демократии не свойственно вступать в противоречие с этническим разнообразием. Большинство граждан и почти все исследователи, скажем в Австралии, Канаде и США, согласятся, что в их странах демократия выгодно отличается активностью населения от тех времен сорок–пятьдесят лет назад, когда у власти были только белые.

Но ксенофобия и политики-ксенофобы по-прежнему остаются проблемой. Конкретное недовольство тех людей, которые в современном динамичном мире чувствуют себя неудачниками, следует принимать всерьез. Нужны адекватные политические и экономические меры для решения их проблем. В то же время демагогам и толпе надо давать беспощадный отпор. ■